

## П Е Р Е В О Д Ы

Вульф Манковиц

УРОК ИВРИТА ПО-ИРЛАНДСКИ  
(перевод Сергея Хренова)

Большая комната в мансарде полуразрушенного здания, восемнадцатого столетия в Корке. Обстановка комнаты представляет собой интерьер синагоги — в центре приподнятая площадка с перилами — бама, вокруг которой, в данный момент в беспорядке, стоят стулья и скамьи, у задней стены — большой покрытый расшитой тканью шкаф, выполняющий функции Ковчега Завета.

Пожилой мужчина с бородой, в ермолке и огромной молитвенной накидке сосредоточенно занимается чем-то на площадке у аналая. Это могла бы быть молитва, но на самом деле он учит названия чисел и определенные фразы в ирландском языке, переводя их из учебника, лежащего перед ним, с идиша на английский, а потом на ирландский. Мужчина живет в Корке уже 20 лет.

С улицы слышны выстрелы, крики и топот сапог по мостовой. На все это он совершенно не реагирует.

Время действия: 1921 год, середина ночи на пятницу.

МУЖЧИНА: Цедес штик сехс пеннес, оддер звей-фар зехн пеннес,

Э спезеелер преис. — Цена шесть пенсов за штуку, или особая цена: два — за десять пенсов. — Ше риал эн кяун-эн прайас, но гха кляун эр дехь пиньгинь, прайас спешит-элта.

Эер кент меер безоллен звей пеннес а вокх. — Я могу получить двухпенсовый виклер. — Ис федири лям гха финьгинь до ваю гэ луах.

Де зейдене шел кост дрей пеннес. Ис гемухт вон индишен зейд, — Шелковый шарф — три пенса. — Это индийский шарф. — Таа три циньгинь эр эн скарфь шилах. Сэн инд э демя эн скарфь шюда шин.

Хойзен, вас фар э грейс? Зо кен, шварц оддер вейс, эмес-дикер беймволь, э пенне мит а халеб йеде пор. — Брюки какого размера? Чулки, черные или белые, чистый хлопок, три полпенса за пару. — Бришти, кен тоос? Стокы дув ноо баан? Фиир кадас, три лях-финьгинь эн пейре.

(В то время, как МУЖЧИНА занимается, через открытое окно, молча, влезает юноша и застывает на месте, направив на МУЖЧИНУ пистолет. Звуки с улицы приближаются и в конце концов отвлекают его.)

Как можно заниматься при таком шуме? (он кричит). Дайте невинным людям поспать! Дайте человеку спокойно по-заниматься! Казаки!

(Он встает и направляется к окну. ЮНОША отходит в тень).

(ворча) Хазерим! Свиньи! Мумзерим! уБлюдки! Ублюдки в военной форме! Ублюдки! Одну минуту. (Он открывает словарь). "Ублюдки". Где это — "ублюдки"? Мумзерим (ищет слово "ублюдки", но не может найти). Может быть это нецензурное слово. Не-цен-зур-ное. Вот! Бихюнэ. Отлично. (Он кричит) Бихюнэ!

ЮНОША (с коркским акцентом): Тихе! Если позовешь их — считай ты — труп.

М: Кто это говорит?

(ЮНОША выходит из тени. Он очень молод. На нем неопи-сываемое одеяние. На его бледном аскетичном лице печать веры — или в Бога или в революцию.)

Ю: Тихе!

М: (с удивлением): Что?

Ю: Если позовешь их, считай ты — труп. . .

М (испуганно): Зачем мне звать их? Ты ведь вор.

Ю: Помолчи.

М: Это пистолет?

Ю: Ты один?

М: Здесь наверху я один, не считая тебя.

Ю: А внизу?

М: Там спит моя семья. Я сейчас зажгу остальные лампы.

Ю: Оставь их! Задерни шторы.

М: Хорошо, хорошо. Оставлю. Сейчас задерну шторы. (Он по-жимает плечами и задергивает шторы.) Ты ведь бандит?

Ю: Полагаю, ты можешь так выразиться. . . . .  
М: Так (он поворачивается) ты убиваешь стариков?  
Ю: Нет. . .  
М: Тогда убери пистолет. Он может выпалить. . . . .  
Ю (прислушиваясь): Ты не помолчишь? (открывает дверь и слушает). . . . .  
М: Что же мне делать, петь? Я только говорю. . .  
Ю: Я не хотел тебя напугать. . . . .  
М: А кто напуган? Я слишком стар, чтобы пугаться. Я видел казаков, а это похуже. Кровь текла по улицам рекой.  
Ю: Я скоро уйду. Дай мне послушать.  
М: Слушай, слушай.

Юноша входит в область, освещенную светом лампы, и лицо юноши впервые видно полностью, а вместе с тем и его молодость.

М: Цик-цик. Бы ведь молодой, почти мальчик.  
Ю: Да, мы почти что молодая республика. Это что такое?

Он впервые осматривает странную комнату. МУЖЧИНА наблюдает за тем, как ЮНОША воспринимает незнакомые ему детали маленькой синагоги.

М: Это мод твердыня.  
Ю: Что? Здесь наверху?  
М: Синагога. Мой отец построил ее своими собственными руками перед тем, как перевез всю семью с родины. После всего, что было, он не мог перевозить семью туда, где негде молиться, понимаешь, (пауза) мой отец, мир праху его, был верующий человек. Я сам — верующий человек. Мой зять, он уже просто верующий. Так что благодаря мне все это еще существует. Чем менее верующим ты становишься, тем больше тебе нужна вера.  
Ю: Значит, это еврейская церковь?  
М (терпеливо): Синагога.  
Ю: Синагога  
М: Правильно. Не то, чтобы у нас здесь очень часто бывал

миньян, нас всего десять.... (ЮНОША осматривается.) В старые времена было по-другому, но теперь у них есть более модные заведения. Чем менее религиозные, тем более модные. Кому захочется тащиться сюда наверх? Но я сохраняю здесь все, как было. Это место, где можно уединиться — для занятий.

ЮНОША ходит по комнате, изучая ее. Отворяет дверь на лестницу, ведущую вниз.

Ю: Это единственный выход?

М: Верно, не считая окна.

С удивлением ЮНОША подходит к баме.

Ю (с подозрением): Еврей? Здесь?

М (поднимая плечами): Что поделаешь? Мы — странствующий народ. Но уж я-то точно не черно-пегий англичанин-каратель!

Ю: Про тебя я все знаю.

М (с удивлением): Что ты знаешь? Да ты видел до этого хоть одного еврея?

Ю: Один приходил к нам на рынок.

М (с интересом): Да? Куда это?

Ю (настороженно): А тебе какое дело?

М: Никакого, только если ты встречал еврея с рынка, я должен его знать.

Ю: Наверняка. У вас тесная компания.

М: Что поделаешь? Мы все — небольшая семья.

ЮНОША нервно усмехается. Он отходит от бамы и идет рассмотреть Ковчег.

Есть над чем повеселиться?

Ю: Мой отец обычно говорил: "Синагогский кот — большой живот."

М (смущенно): Синагогский кот?

Ю (смеясь): Да.

М: Разве в синагоге держат котов? Зачем? Из-за мышей?

Ю: "Большой живот, — говорил мой отец, — потому что обжирается крайней плотью." (Он снова смеется. МУЖЧИНА немного раздражен.)

М: Лично я не думаю, что это очень смешно, но если тебе есть над чем посмеяться, смейся.

Ю: Думаю, я останусь здесь ненадолго.

М: Добро пожаловать. Присаживайся.

Он освобождает место у стола, ЮНОША подходит и садится, внезапно почувствовав себя на грани истощения.

Да. Я знаю все рынки и всех торговцев-евреев. Это, ты сказал, на западе? Макрум?

Ю: Не твое дело.

М: Пожалуйста. Ты ведь один из этих мальчиков-революционеров?

Ю: Никаких вопросов! (Его лицо целиком освещено лампой.)

М: Хорошо, ты — юный ангел смерти. Это святой дом, так что добро пожаловать, ангел. Ой, ангел, да ты выглядишь смертельно усталым.

Ю (с подозрением): Ты раньше говорил по-ирландски?

М: Го мяны дия гхыть! Агэс гэ маре ту эр фьях кед блиэн, агэс гэ рэвь фихе мак и миле мук агэт! Благослови, Господь...

ЮНОША, внезапно раздраженный усталостью, встает.

Ю: Это что за приветствие? Двадцать сынов и тыщу свиней!

М (с гордостью): Этот пустяк я сочинил сам. Ты думаешь, покупателям понравится? Думаешь, я сейчас люблю ходить в отдаленные места, куда еще никто не ходил. Прекрасные. Тихие. Но беда, что все — все на ирландском языке. Нет, я не имел в виду, что беда... Так что я должен торговать на ирландском. Дия гхыть. Да поможет тебе Бог. Таа ше фуэр. Сейчас холодно. Ах, таа ше тирымь. Но сейчас сухо. Быхас ле дия. Слава Богу! Отлично, а?

- Ю (с удивлением): Ты точно подозрительный мужик.
- М: Я продаю вещи за еженедельную плату, то что называется "виклер". Я получу двухпенсовый виклер, понимаешь? Тигирь?
- Ю: Тигим. Но двадцать сынов и тыща свичей! Ничего общего с нашими старинными приветствиями, да и с новыми. Кяд миле фальте рухт и бас дон шениць!
- М: Первую часть я понял — сто пятьдесят тысяч добро пожаловать.
- Ю: Сто тысяч.
- М: Хорошо. Для тебя — сто тысяч (он смеется). Ты извинишь еврейскую шутку. (Пауза, со стороны Юноши никакой реакции). А что дальше?
- Ю: Смерть англичанам!
- М: Мы обычно говорили: "Забери их холера." Только тогда это были русские — Российская Империя. И куда все подевадось? Все эти империи превратились в прах, и ребенок ходит по нему.
- Ю: На то воля Божья.
- М: Ну, это еврейское выражение.
- Ю: И ирландское.
- М: Почему бы нет? Бог — замечательный лингвист.

ЮНОША внезапно чувствует головокружение и опирается на медное ограждение бамы.

Ты очень бледный. Ты белый как смерть. Бедный ангел смерти, присаживайся.

ЮНОША опускается на стул, внезапно забыв осторожность.

- Ю: Я бежал всю ночь.
- М: Помню такие ощущения.
- Ю: Здесь не найдется чего-нибудь поесть?
- М: Если бы я знал, что придет гость... (Он смотрит на остатки еды на столе.)
- Ю: Или выпить?

М: Где-то была бутылка вина для субботы. (Он ищет и находит ее рядом на полке.) А — вот. (Он подает ее ЮНОШЕ.) Выпей немного.

Ю: Не слишком крепкое.

М: Не слишком.

Ю: Я дал клятву. Я — пионер. (Он сознательно агрессивен.)

М: Когда человек на грани смерти, тогда любой — пионер. Извини. Пей.

ЮНОША кладет пистолет в карман, берет бутылку, заперживает в нерешительности, но потом пьет из нее.

Оно пойдет тебе на пользу. Вино — прекрасное. Убери пистолет подальше.

ЮНОША перестает пить и кладет руку на карман.

Ю: Слушай!

М: Не беспокойся. Там все тихо. Вот. (Он пододвигает тарелку с рыбой.) Это кусок рыбы, гефилте, тихо лежащей в миске — я принес ее на ужин — и халех — белый хлеб.

Ю: Это рыба?

М: Гефилте. Ешь. Сегодня пятница, не так ли?

Ю: Это будет по-еврейски "рыба"?

М: Это самая лучшая рыба на любом языке. Бери! (Он подает миску и ложку, ЮНОША, полный сомнения, пробует рыбу.) Как?

Ю: Гм?

М: Ешь, ешь.

Ю (пробует основательнее): Гм!

М: Хороша, а? Ее приготовила моя дочь.

Ю: Она не так плоха.

М: Она поддерживала еврейский народ, как манна, в тысячах пустынь. (Он наблюдает, как ЮНОША ест.) Я принесу тебе еще (направляется к двери).

Ю: Оставайся на месте.

М: Остаюсь, остаюсь. (Длинная пауза). Знаешь что? — Ведь ты — еще один из нас.

Ю (удивленно, с полным ртом): Нас? Кого?

М: Конечно же, ты — один из нас.

Ю: Послушай — я не еврей, я тебе покажу. Матерь Божья — нас!

М: Я помню. Мы говорили о будущем мира — того, который мы создадим — в котором Каины станут Авелями, так что им не придется больше драться друг с другом на смерть. Да, дорогой мой сэр, мечты людей не меняются. Беда в том, что и люди тоже. Так что братья все еще дерутся. Каин все еще убивает Авеля.

Ю (устало): О, что ты об этом знаешь? Черт... (Снаружи слышны выстрелы). Они там все еще орудут.

М: Конечно, конечно. Они все еще орудут. А кто ты, а? Ты — Каин или Абель? Вах — Кто может сказать? (Он устало отворачивается в то время, как ЮНОША в тревоге поднимается.)

Ю: Слушай, ты. (Он хватает МУЖЧИНУ за пиджак и резко поворачивает лицом к себе, страх сделал его грубым.)

М (встревоженно): Что, что?

Ю (с нажимом): Занимайся своим делом — слышишь меня?

М: Занимаюсь, занимаюсь.

Ю: Ты тут нашлешь на меня своими разговорами каких-нибудь еврейских языческих проклятий.

М: Проклятий? Как? Зачем? Какие проклятия, когда мы сидим здесь и беседуем, как два цивилизованных человека, ожидающих, пока стадо диких животных пронесется мимо? Отдохни, пожалуйста, — ну, кто сюда сунется?

Шум на улице опять затихает, и ЮНОША расслабляется.

Ю (со смешком): Ох — вообще-то этого ничего не было, ты, глупый старый еврейшка со своими разговорами о Каине, Авеле и благословенной Библии. Это чушь и больше ничего, слышишь?

М: Чушь? Писание — чушь? Глупый мальчик, оно помогло выжить целому народу, даже больше, чем мацна, и в более страшных пустынях... Также и твоему народу.

- Ю: Говорю тебе, это меня нервирует. Все равно, что слушать в школе братьев во Христе. Сначала немного Библии, а потом бац по голове кожаным ремнем.
- М: Разве я брат во Христе? и посмотри — я ношу подтяжки.  
(Он комично показывает их).
- Ю (смеется): У тебя номера, что надо! ..
- М: Ну, знаешь, как пропавать носки — там маленький совет, тут шутка. На сельском рынке нужно привлекать внимание людей. Запомни, что все что-нибудь продают. Разве они могут купить у всех? Нет. Кто-то должен выиграть, а кто-то — проиграть. Это опять-таки только люди, как Каин и Авель.
- Ю: Я же предупреждал тебя, ну, не предупреждал я тебя что ли... (Он вскакивает.)
- М: Хорошо, хорошо, успокойся, дорогой мой сэр, ты так взволнован. Это вредно для здоровья...
- Ю: Я не говорил тебе, что вся эта болтовня про Каина и Авеля — просто чушь? Я говорил тебе или нет?
- М: Уверяю тебя, здесь нет ничего личного. Просто общее замечание, что еще? Поелушай, евреи и язычники, люди всех цветов радуги, все мы внутри — то, что мы есть на самом деле — это Каин и Авель. Поверь мне, уж я-то знаю.
- Ю: Ты знаешь? Ничего ты, мужик, не знаешь. Вообще ничего. Куча болтовни, вот и все. (МНОША возвращается к тому месту, где он оставил тарелку с рыбой, и рассматривает ее.)
- М: Конечно же, ты прав. Что я знаю? Что кто-либо знает? Ты все еще голоден? Пожалуйста, поешь рыбу (с надеждой), если у тебя есть время.
- Ю: Было бы стыдно оставить ее и уйти.
- М (с жаром): Вот, правильно! Ешь, ешь. Тебе ведь предстоит долгий путь...
- Ю: Наверно, предстоит. (Он берет тарелку и жадно ест.)
- М: Ешь на здоровье... Знаешь, удовольствие — видеть такой здоровый аппетит. У меня так вообще нет аппетита. Когда-то ел как лошадь, а сейчас скорее как мышь с несварением желудка.

ЮНОША смеется. На мгновение возвращается свойственное ему хорошее настроение.

Но знай, я такой же, как и раньше. На рынке я все еще хорош, как всегда. Спроси кого угодно. О да, они все меня знают.

Ю (вновь подозрительно): Они все тебя знают?

М: Что? Нет — только народ, мелкие фермеры, кто же еще?

Ю: Черт! Ты же узнаешь мое лицо. Ошибка оставаться здесь дольше.

М: Я? Со всеми лицами, которые я вижу? Никогда. Послушай — я расскажу тебе. Когда я бываю в горах, кто-нибудь говорит: "Привет, мистер, я вещь ношу ваши носки, да?" Я могу сказать из какой партии эти носки, но лицо... У меня ужасная память на лица. На ноги, да, но на лица — просто ужасная. Вот у моего брата — он был интеллигент — что за память! Какой идеалист! Какой революционер! Он один совершил для русских целую революцию, и что они сделали — они расстреляли его за то, что он анархист. Вот что случается с вашими революционерами, с интеллектом и чудесной памятью на лица. Я... я не анархист — я продаю носки.

Ю: Это все мерзкие стукачи — на него наступали, будь уверен. В любом случае, сейчас, за нашу свободу боремся мы сами.

М: Он был расстрелян что надо, да будет земля ему пухом.

ЮНОША отставляет тарелку и вновь лезет за пистолетом.

Ю: Как я могу быть уверен, что ты не наступил?

М: Ради Бога, поосторожней с пистолетом. Если он выпалит, то разбудит целую улицу.

Ю (с отчаянием): Боже... Как ты всегда во всем можешь быть уверен.

М: Послушай. Ты здесь зачем говорил про стукачей... зачем?

Ю: Страна кишит ими. Кто тебе может верить? Послушай, откуда они про нас узнали? Как получилось, что они поджидали нас? Мы же бежали как собаки? (почти со слезами) Черт... Я даже не знаю, кто жив, а кто нет.

М: Тихе, тихе, пожалуйста, не надо так волноваться. Здесь ты в полной безопасности — в полной. Уверю тебя, мой мальчик.

Ю: Доверять еврею?

М: А почему бы и нет? Послушай, знаешь, у нас, в нашей религии было восемнадцать молитв. "Шма", конечно же, и восемнадцать молитв.

Ю: О чем это ты теперь?

М: Слушай, слушай и услышишь. Мы добавили еще одну молитву, номер девятнадцать, знаешь для чего — просто против стукачей. Я ~~уже~~ уже произнес ее тихонько пару раз. Тебе не о чем беспокоиться.

Ю: Молитва против стукачей? В целом это грандиозная идея — а она действует?

М: Еврейские молитвы — очень надежные. Отлично. Ты почти покончил с едой. Скоро ты сможешь выбраться отсюда.

Ю: Не беспокойся обо мне, старик. (многозначительно) А разве не был сам Иуда евреем?

М: А Иисус разве не был? (ЮНОША отворачивается, все еще не примирился.) Он позаботится о тебе, не беспокойся... он...

Ю (со злобой и горечью): Что Он сделает для таких, как я? Я сейчас так же далек от Него, как и ты.

М (изучая его вплотную): Ты кого-нибудь убил?

Ю: Я же сказал тебе — никаких вопросов.

М: Не говори. Разве кто спрашивает?

ЮНОША медленно ест хлеб, уставившись на кусок, отламывает и сосредоточенно жует.

Однажды, в нашей деревне, я был еще мальчишкой, один человек из нашей семьи — тоже никаких имен, никаких подробностей, — лучше тебе этого не знать. — один человек убил другого человека. (Он вздыхает). Убийство делает тебя больным. (ЮНОША ворчит). Не то, чтобы это было трудно. Он убил глупого крестьянина. Бедняка, пьяницу. Для него антисемитизм был своего рода работой. Погром предоставлял ему возможность улучшить жизненный уровень.

МУЖЧИНА садится напротив ЮНОШИ с другой стороны стола.

Парень, который ударил его, не знал, что он ударил так сильно. Кочергой. Голова у того была пробита, так что какая была нужда в извинениях? Мой отец после этого уехал, чтобы найти для семьи новое место. А знаешь? Когда он впервые приехал сюда, он думал, что это Нью-Йорк, потому что тот ублюдок в Литве, который продал ему билет, сказал, что произносится "Нью-Йорк"! Корк!!!

ЮНОША, едва слушая, жадно ест.

Просто ведем приятную беседу. Рыба хороша, а?

С улицы слышен звук проезжающей патрульной машины. ЮНОША вздрагивает, прекращает есть и поднимает голову.

Ю: Вернулись. Нужно идти.

М: Что за мысль? Сейчас?

Они на мгновение прислушиваются. Звук проезжающего грузовика.

Уехали.

Ю: Может быть, они обыскивают дома...

М: Еврейские дома? Зачем? Внизу моя дочь и ее семья, а еще ниже — металлолом, шелковые шарфы и носки. Во дворе — конь, телега и опять металлолом. Зачем им это обыскивать? (прислушивается). Уехали. Знаешь, а конь — ирландец. Я зову его Кухульнь х), потому что он просто старая собака.

Ю (расслабляется): У тебя неплохое произношение.

М: Благодарю. Горазд ма агет. Вах! В моем-то возрасте я вновь должен давать самому себе уроки. Моя семья тысячу лет изучает новые языки, но этот — самый нелепый. Таа три-финьгинь эр эн скарфь шидях. Три пенса за шелковый шарф.

ЮНОША теперь отдыхает, откинувшись на спинку стула, и вступает в разговор с МУЖЧИНОЙ.

Ю: Вы ведь всегда что-нибудь продаете?!

М: А почему бы и нет? Таа три финьгинь эр эн скарфь шидах — клянусь Богом, отличный шелковый шарф (берет молитвенную накидку).

Ю: Хянахэнь цагэс фальте, ах-ниль эн три финьгине агэм.

М: Ты бы с радостью его купил, но у тебя нет трех пенсов. Но минутку, это же великолепная возможность для разговорного урока! Давай, присаживайся сюда. (указывает на место рядом с собой). Прайяс спешиэлта дуть-ше, а вик, гха финьгинь эр эн скарфь фир шидах шо он инд. (С радостью переводит). Для тебя, сынок, особая цена — два пенса за индийский шелковый шарф.

Ю: Очень хорошо, только нужно говорить: "Скарфь пш-фир шидах он инд..." (Переводит) Из чистого индийского шелка.

М: Вах! Невозможный язык.

Ю: Вообще-то нет. Не более, чем твой.

М: Мой? Какой мой? Язык царей и их казаков? <sup>хх</sup>) Вильсту ре-ден муммалошен? Какой язык мой?

Ю: Скажи что-нибудь на настоящем еврейском языке.

М: Вос фюр э-гольде их дау?

Ю: Что это такое?

М: Это идиш! Я почитаю что-нибудь на иврите.

Ю: Какая разница?

М: Какая разница между ирландским и английским? Один язык священный, а другой — для дел. Вот. (Он открывает книгу и читает псалом.) Им эш-кахех Ерушалаим тишках йемени тидбак лешони лехики. Им ло эзкрейхи им ло аале эс Ерушалаим аль рош симхоси.

Ю: Бог мой!

М (настойчиво): Ну, попроси. "Им".

Ю: "Им"? "Им" — это масло.

М: Правильно! По-ирландски это масло. Ну, ну, давай. "Им эш".

Ю (с любопытством): Им эш.

---

х) Кухульнь (в переводе с ирландского — собака Кулана) — герой древне-ирландского эпоса (прим. перрев.)

хх) В оригинале фраза произносится по-русски (прим. перрев.)

М: Кахех.

Ю: Кахех.

М (с удивлением): Просто чудо, как ты произносишь "хе".

Ю: Его только англичане не могут произнести. У меня есть старая тетка, которая говорит, что ирландцы произошли от десяти исчезнувших колен.

М: Я так не думаю. Так исчезнуть они не могли.

Ю (с подозрением): Ты это о чем?

М: Попробуй еще раз. Им эш... кахех... Ерушалаим... тиш-ках... Йементи.

Он кладет книгу перед ЮНОШЕЙ, а затем пересаживается на скамью, так что теперь они сидят бок о бок. Он указывает фразы на странице и по нескольку раз произносит слова. ЮНОША повторяет за ним каждую фразу, показывая при этом, что очень быстро воспринимает язык на слух. Этот момент очень важен, так как, сидя бок о бок, они напоминают раввина с учеником.

Отлично, отлично! У тебя отличный слух.

Ю: Спасибо! Как это будет? "Для тебя особая цена — два пенса." (Он смеется.)

М (негодуя): Никак. Никакой торговли на иврите. Это же священный язык — он для молитв, псалмов, стихов, а не для продажи носков. За исключением Палестины. Там они выращивают деревья, собирают апельсины и все на иврите. Несколько человек из моей деревни уехали туда, парни с длинными кудрями и девушки с красными косынками на головах. И сейчас они, собирая апельсины, все время говорят на иврите. (Он вздыхает.) Это было до войны.

Ю: До германской?

М: До японской.

Ю: А когда с ними была война?

М: В одно прекрасное время русские воевали с японцами. А до этого они воевали с французами. Это делалось для того, чтобы держать казаков в форме для погромов.

Ю: Правда? А зачем бывали погромы? ...

М: Вах, вот это вопрос! (Долгая пауза.)

Ю: Почему ты сам не уехал? В Палестину. С теми девушками в красных косынках?

М: Я? Я не выращиваю апельсины. Я горожанин. Зачем мне это нужно? Я был женат, у меня была семья, и я продавал носки.

Ю: Вы горожане все одинаковые. (Пауза.) Мне сейчас захотелось...

М: Чего?! Семьи? Носков?

Ю: Апельсинов. (Он вздрагивает.) Что это?

Неразличимые голоса внизу на улице.

Что это, я здесь заболтался? Спасибо за рыбу и вино. Мне нужно идти.

Он идет к окну, но, услышав голоса, останавливается. Голоса слышны внизу с улицы.

1-ЫЙ ГОЛОС: Вы двое, проверьте переулок!

2-ОЙ ГОЛОС: Перекройте оба конца улицы!

Ю: Тихо!

М: Ты думаешь, я хочу привлечь внимание? ...

Ю: Послушай. Мне придется вырваться отсюда с боем. Кроме этого ничего другого не остается.

М: Кроме этого тебя убьют.

Ю: Я буду не последний.

М: Ты будешь и последний и первый. Тот, кто разрушает человеческую жизнь, разрушает целый мир.

Ю (нетерпеливо): У меня больше нет времени на твою болтовню. Потуши свет!

М: Ты хочешь привлечь внимание? (Пауза.) Минуту назад ты был словно маленький мальчик, учивший урок, — теперь опять этот пистолет.

Ю: Пистолет — единственное, что остается у нас в самом конце.

М: Кто знает, где самый конец? (Осматривается.) Минутку. (Он берет молитвенную накидку и набрасывает ее на ЮНОШУ.)

Ю: Бог с тобой, что ты делаешь?

М: Минутку, минутку! Ты будешь большим патриотом, если будешь мертв? (Он выдвигает ящик шкафа и достает ермолку.)

Ю: Ты что задумал? Послушай, они же никогда не примут меня за одного из ваших.

М: Ты — один из нас, запомни это. Примерь. Очень красивая, с вышивкой, прямо из Палестины. (Он надевает ермолку на голову ЮНОШИ.)

Ю: Хочешь сделать из меня посмешище?

МУЖЧИНА несколько мгновений внимательно его рассматривает.

Кончай сейчас же, слышишь? Я же выгляжу нелепо. (Он срывает ермолку.)

МУЖЧИНА зачесывает ЮНОШЕ волосы за уши. В самом деле ЮНОША выглядит весьма похожим на еврея, за исключением пистолета в руке.

М: Что-то не так. Конечно же...

Он берет молитвенник, кладет его ЮНОШЕ в руки и забирает пистолет.

Ну, теперь просто превосходно. Может быть, ты даже чересчур похож на еврея. Минутку. (Он переворачивает книгу должным образом, она читается справа налево.)

Ю: Отдай назад! (Он отбирает свой пистолет.)

М: Как хочешь. Но это портит общее впечатление.

Ю: Я его спрячу.

М: Пистолет под молитвенной накидкой! Нехорошо.

Он надевает свою накидку. Теперь они выглядят как воины-раввины, подготовившиеся встретить врага своим особым оружием.

Ю (мрачно): Я попытаюсь не испортить ее, когда буду стрелять.

М: С Божьей помощью ты не будешь стрелять.

Ю: Ты думаешь, Бог хочет спасти их подлые жизни?

М: Давай надеяться, что Бог хочет спасти наши подлые жизни! Присаживайся! Читай! Бог хочет, чтобы мы учились, вот и все. (Он показывает ЮНОШЕ место на странице.)

Ю: Черт! Только уроков не хватало!

М: Ты же самую фразу. Попробуй. Никогда не знаешь, когда это пригодится.

Звуки снаружи приближаются. Затем слышен стук в дверь внизу.

Ю (с отчаяньем): Мне нужно уходить..

М: Ты никуда не уйдешь. Ну, еще раз. Им эш-кахех... Ерушалаим. Тишках... йемене-ни.

Он вновь произносит медленно каждую фразу на иврите, а ЮНОША повторяет ее за ним.

Отлично, отлично. Еще раз. (Они увеличивают темп) Им эш-кахех Ерушалаим.

Ю: Им эш-кахех Ерушалаим.

М: Тиш-ках йемени.

Ю: Тиш-ках йемени, черт!

На лестнице шум, топот тяжелых ботинок. ЮНОША вскакивает со своего места и начинает поднимать пистолет. МУЖЧИНА кладет свою руку на его.

М: Им эш-кахех Ерушалаим тиш-ках йемени...

Ю: Им эш-кахех Ерушалаим тиш-ках йемени...

ОБА: Им эш-кахех Ерушалаим...

Дверь открывается ударом ноги, и появляются двое "черно-пегих" — двое солдат из английского карательного отряда.

1-ЫЙ "ЧЕРНО-ПЕГИЙ": Что здесь, черт подери, происходит?

М: Добрый вечер, господин офицер, или, точнее говоря, доброе утро. В любом случае приятно чувствовать, что граждан охраняют, будь то день или ночь.

1-ЫЙ "ЧЕРНО-ПЕГИЙ": Это что такое? (Он подозрительно осматривается.)

М: Это, господин офицер, место религиозных поклонений и — наставлений, короче говоря, синагога. Не слишком большая, да уж какая есть.

2-ой "черно-пегий" рьяно ищет оружие, создавая при этом страшный беспорядок.

2-ой "Ч-П": Вонючий ирландский жид!

М(угодно): Вы, господин офицер, мгновенно попали в точку.

1-ый "Ч-П": Что вы здесь делаете ночью?

М: Мы верующие люди, господин офицер. Что мы делаем? Когда мы не торгуем, мы изучаем книги, а когда мы не изучаем книги, мы торгуем.

2-ой "Ч-П": Жиды цархатые! (Он рассматривает МУЖЧИНУ). Знаешь, Чарли, я однажды читал книгу — дал ее мне один старшина, он, конечно, был большая сволочь, — но хороший малый — получил свое под Монсом — так он считал, что это Евангелие.

1-ый "Ч-П": Ты читал книгу!

2-ой "Ч-П": Нет, слушал. Эта книга написана ихними святыми отцами или кем-то там еще, и в ней доказано, доказано, заметь, что эти обрезанные жиды все в заговоре с католиками и этими обрезанными фармазонами, всеми обрезанными атеистами, секеш, и с этой обрезанной мировой революцией и с вонючими международными банками. И эти жиды, они собираются всех на свете обрезать на ихний манер. (МУЖЧИНЕ) И ты за это, да? Старый обрезок.

1-ый "Ч-П": Пошли, Том. Здесь ничего нет. Если б я захотел, у них могло оказаться чертовски много.

2-ой "Ч-П": А это кто такой?

1-ый "Ч-П": Типичная жидовская морда, правда?

М: Он из деревни, только что приехал. Не говорит ни слова на вашем прекрасном английском языке. (ЮНОШЕ) Им эш-ка-хех Ерушалаим. Правильно?

Ю: Им эш. Им эш.

М: Кахех.

Ю: Ерушалаим.

1-й "Ч-П": Чего он сказал?

М: Он молился за вас. Он верующий юноша.

2-й "Ч-П": В жопу его зонючие молитвы. Давай двигать, Чарли.

1-й "Ч-П": Одну минуту. Взгляну кругом. (Многозначительно). Секешь, что если здесь есть что-либо подозрительное, то нам следует забрать это с собой. Верно?

2-й "Ч-П": (восторженно); Верно! У этих жигов всевозможные виды подозрительнейших золотых подсвечников и всевозможные тряпки, точно?

М: Добро пожаловать, ищите. Любой золотой подсвечник, который у нас есть, мы рады пожертвовать на ваше благородное дело. (Он смотрит на ЮНОША и кивает.)

Ю: Им эд.

М: Мой друг соглашается. Он говорит золотым подсвечникам: "Помогайте себе сами." Те — медные.

2-й "черно-пегий" изучает медные подсвечники, а затем с отвращением швыряет их на пол.

2-й "Ч-П": Проклятье, они медные! (С улыбкой). Ну-ка, убери свою задницу, Мойша, а не то я перебью тебе твой жиговский носик.

ЮНОША смотрит на 2-го "черно-пегого" сверху вниз, его глаза горят ненавистью. Его рука под накидкой сжимает в кармане дробовик. МУЖЧИНА спешит встать между ним и солдатом.

М: Не обращайтесь на него внимания, господин офицер. Он глупоко верующий юноша. (ЮНОШЕ, предостерегающе) Им эш-ка-хех.

Ю: Им. Им.

М: Я вам сейчас все покажу, господин офицер. Воң там, там лежат свитки Завета. Это все. Ничего ценного для такого человека как вы.

1-й "Ч-П": Взгляни-ка на этого — двинувшийся на религии маньяк. А этот — синагогский кот, большой живот (смеется).

Гнев ЮНОШИ достигает белого даления. МУЖЧИНА обнимает его за плечи и отводит в сторону. Затем отворяет дверцу Ковчега.

М: Да, очень смешно, господин офицер. Понимаете, господин офицер, золота нет — только слова из золота. (Он улыбается.) Э мисса машунер. Хуп э холнра ду муммзер, благослови вас Бог, сэр!

1-Й "Ч-П": Бормочут, черт знает что, нехристи! Пошли, Том, давай сваливать из этого еврейского говнюшника!

Снизу слышен голос.

ГОЛОС: Что вы там двое, черт возьми, делаете? Устроили оргию?

1-Й "Ч-П": Старшина, сейчас спускаемся вниз. Пошли, Том, ради Бога! Здесь наверху ничего нет.

2-О "Ч-П": Можно забрать вот это. (Он берет бутылку вина, отпивает глоток и выплевывает на МУЖЧИНУ и на книги.) Чертово жидовство. Что это еще за еврейская моча?

Он с отвращением отбрасывает бутылку, и они выходят. МУЖЧИНА несколько секунд прислушивается к звуку шагов на лестнице, вытирая вино с лица.

Ю: Ублюдки! Бихюне!

М: По крайней мере, они ценят ~~шутки~~ шутки, которым учил тебя отец.

МУЖЧИНА затворяет дверь и начинает поднимать книги и складывать накидки. Поднимая каждую из них, он на мгновение касается ее губами, а затем вытирает.

Ю (с отвращением к самому себе): Подлые, грязные, мерзкие сволочи и убийцы! Я должен был расстрелять их. (Он с яростью сбрасывает с себя накидку. МУЖЧИНА продолжает спокойно прибирать вещи.)

М: Конечно. Так, чтобы сейчас целая семья была мертва. Достоинство защищено — а человек мертв?

Ю: Мы не такие как вы. У нас есть страна, за которую надо

сражаться. У нас есть гордость. Мы сражаемся за наше достоинство.

М (пожимает плечами): На здоровье. Но сделай доброе дело, пожалуйста, не сражайся за меня. Я предпочитаю жить и помнить.

Ю: Я хочу умереть за то, во что верю. Запомни.

М: Ну, это смело, очень смело. Но могу сказать тебе, что для меня труднее жить.

Ю: Что проку от болтовни? Мне нужно идти.

М: В любом случае, не слишком волнуйся об этом. Если ты настаиваешь, ты можешь умереть какой-нибудь другой ночью.

Снизу слышен женский голос.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Отец, у тебя все в порядке?

М (отвечает): Все в порядке. Урок проходит превосходно.

ЖГ: Они ушли.

М (ЮНОШЕ): Лучше подожди час-другой. Пока не закончится комендантский час.

Ю (неспокойно): Мне нужно идти, пока еще темно. Хочу отблагодарить тебя.

М: Ты уже меня отблагодарил (показывает на Ковчег).

Ю: Странно, найти одного из ваших на нашей стороне.

М: Ты — один из нас, запомни. Мы все хотим одного и того же.

Ю (нерешительно): Может быть, я должен сказать тебе...

М (быстро): Ничего не говори.

Ю: Ты прав.

Снизу слышен звук отъезжающей патрульной машины.

ЮНОША и МУЖЧИНА прислушиваются. Полная тишина.

Больше они сюда не вернутся.

М: Может быть...

Ю: Тогда я пойду.

М: Раз тебе нужно. Я провожу тебя.

ЮНОША уже собрался идти, но меплит и поворачивается к Ковчегу.

Ю: Я не понимаю ваш народ. Разве у вас не возникает чувства гнева, когда ваши священные книги бросают на землю?

М: Наши священные книги так часто бросали на землю, что они привыкли. В любом случае, книги — это просто книги, только слова — священны. Помнишь? Им эш-кахех Ерушалаим.

Ю: Им эш-кахех Ерушалаим.

М: Очень хорошо. У тебя почти что нет акцента.

Ю: Что это значит?

М: "Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, Иерусалим."

Ю: Я хорошо знаю этот отрывок. Он есть в нашей Библии.

М: Вашей Библии. Я рад это слышать. Ну, будь осторожен.

Ю: Буду. Теперь я должен идти.

М: Запомни: Бог одинаково любит как живого мужчину, так и мертвого юношу.

Ю (улыбается): Запомню.

М: Молодец. Может быть когда-нибудь ты станешь президентом. Лех лешалом. Мир тебе и покой.

Ю: Выхахт де орт. Да благословит тебя Бог.

ЮНОША выходит в дверь. МУЖЧИНА смотрит некоторое время ему вслед, затем идет к аналою, бормоча что-то про себя, и продолжает занятия по маленькому учебнику.

М: Цена — шесть пенсов за штуку, или два — за десять пенсов. Брюки. Какой размер? Чулки, черные или белые. День сегодня нехороший. — Ниль эн ло ма. Погода — плохая. Таа эн амширь дона. Ночь сегодня нетеплая. Ниль эн ьхе гэ дяс. Утро сегодня нехорошее... ой.

Он глубоко вздыхает, внезапно почувствовав сильную усталость, и утомленно вытирает рукой глаза и лоб. В то время, как он закрывает глаза и кладет голову на аналой, опускается занавес.

////////